

О ПРОТИВОРЕЧИЯХ СВОБОДЫ

В статье анализируются внутренние противоречия идеи свободы. Автор доказывает необходимость интерпретировать свободу с диалектических позиций. В качестве основных тенденций рассматриваются процессы персонализации / деперсонализации и субъективации / объективации. Акцентируется мысль о двойственном значении феномена институционального отчуждения для развития личности и свободы.

Ключевые слова: свобода, личность, субъективация, объективация, социальная система, персонализация, деперсонализация.

Задача теоретической реконструкции идеи свободы в ее базовых содержательных характеристиках осложняется наличием фундаментальных противоречий, имманентно присущих свободе и проявляющихся даже в ее наиболее знаменитых определениях. Тезис о сложности, многозначности и неопределенности идеи свободы становится среди специалистов общим местом, что не снимает самой проблемы и только актуализирует задачу поиска концептуальных оснований, которые потенциально могли бы стать ключом к проникновению в «тайну» свободы; могли бы обозначить перспективы если не решения многовековой («вечной») философской проблемы, то по меньшей мере достижения некоторой степени понимания ее.

Многозначность и внутренняя противоречивость, действительно, являются первыми и почти аксиоматичными характеристиками свободы. Идея свободы как самобытия (самодетерминации, самоидентификации и самореализации) настолько сложна, что ее невозможно и зафиксировать в однозначном определении. Она стягивает в себе различные модусы человеческой жизни, которые входят в ее смысловое ядро и лишь в своей абсолютизации (через разрыв с другими модусами и противопоставление им) превращаются в «демонов» и «идолов». Не существует свободы вне самореализации, но свобода, сведенная к самореализации и ис-

ключившая модус самоограничения (само-регуляции), трансформируется в злого идола. Нет свободы вне целедостижения, однако абсолютизация целедостижения и эффективности способна продуцировать духовное рабство на почве апологии функциональности. Свободе в ее собственно человеческих формах присуща рациональность, но свобода не может быть понята в качестве исключительно рационального феномена, вне и помимо внерациональной витальности. И наоборот: свобода, сведенная к внерациональности, витальности и стихийности («ночная свобода» М. Хайдеггера [1993. С. 119]), становится одним из главных бедствий, угрожающих человеческой жизни и культуре. В современном мире образы чудовищ Ф. Гойи бледнеют перед демонами, выступающими как воплощения свободы из сферы контркультуры. Внерациональная витальная свобода («глупая воля» Ф. М. Достоевского) не может быть ни безоговорочно возвышена, ни однозначно отвергнута применительно к теме «подлинности» свободы. Утрата «ночной свободы» («тени») знаменует утрату жизненности, обозначает фантомность. В этой ситуации культура тяготеет к безжизненным, мерцающим ледяным светом абстракциям разума. Однако доминанта «тени» также уничтожает и жизнь, и культуру: выползающий из тени «шевелиющийся хаос» витальности (спонтанности) съедает все собственно человеческое содер-

жание, «ничтожит» все высшие ценности культуры. Уход культуры в тень «ночной свободы», активно осуществляемый сегодня в становлении феномена контркультуры, означает ее деградацию. Отвергнувшая «абстракции разума» свобода, ушедшая в тень под знаменем жизненности, на деле утрачивает жизнеспособность, поскольку перестает ориентироваться в свете дня. Наконец, одно из самых острых и наиболее актуализированных сегодня противоречий: подчинение людей безличным модусам социальной системы – «тирания анонимности» – проклинаемое целыми поколениями теоретиков и концептуализированное в понятии «отчуждение», вдруг оказывается амбивалентным в своем антропологическом и персоналистическом значении, а столь возвышенная в философских дискурсах «интерсубъективность» («жизненный мир») получает оценку в качестве «тирании интимности» (Р. Сеннет) [Сеннет, 2002. С. 390].

Исходя из цели теоретической реконструкции смысла свободы, мы видим необходимость концептуализации свободы в качестве единства противоположных начал. Закономерным в этой связи представляется обращение к классическим идеям диалектики, теории, в свою очередь, утратившей былые позиции и лишенной общепризнанного статуса в сфере «теоретического разума». Статус диалектики в современной философии обладает чертами неопределенности и двусмысленности. Диалектика – это своего рода «падший ангел» современных философских дискурсов: ее былая слава, почти царственное величие и могущество сменились падением и изгнанием. Сегодня обращение к идеям диалектики настолько не совпадает с главными направлениями философского мейнстрима, что выглядит вызывающе несовременно – как попытка реанимации безвозвратно ушедшего прошлого, отмеченного к тому же печатью «падшести». Знак ретроградности, отсталости, возможно, неспособности освободиться из плена идеологических иллюзий. Отдельными авторами делаются реверансы по поводу былого величия и славного прошлого, но в целом господствует либо фигура умолчания, либо просто забвение. Между тем фундаментальные идеи и принципы диалектики оказываются востребованы в самом сердце современного философствования о свободе, личности и обществе.

Интерпретация проблематики свободы требует обращения к базовым характеристикам взаимосвязи личности и общества, и эта взаимосвязь предстает в виде диалектики тенденций персонализации и деперсонализации, становления и развития личностной автономии, с одной стороны, и противоположной линии экспансии факторов, условно говоря, гетерономии (внешнего, чуждого) в область личного сознания и индивидуальной жизнедеятельности – с другой. Персонализация создает потенциал свободы, деперсонализация свободу уничтожает или не дает ей развиваться. В наиболее общем смысле персонализация есть обретение «основания в себе» – субстанциального стержня (каркаса) личности. Это оформление целостности Я из многообразных интрапсихических «элементов» и «фрагментов» – движение к индивидуальности в прямом и изначальном смысле базового термина – к неделимости индивида (по определению «неделимого»), к единству внутренней инстанции Я. Деперсонализация подразумевает либо утрату «собирающего центра» Я под влиянием многообразных внешних и внутренних факторов, либо ситуацию его изначальной неразвитости, означающей пребывание в состоянии «дивидуальности». Данный термин, как известно, концептуализирует множественность душевных состояний – переживаний, настроений, мыслей и т. д. – в их неинтегрированном (деинтегрированном) качестве, не образующих целостности личности, не подвластных собирающей, рефлексивной, оценивающей и целеполагающей инстанции Я. Личность в состоянии «дивидуальности», лишенная сколько-либо сформированных внутренних механизмов, обеспечивающих интеграцию (целостность) и тем самым «основание в себе», обычно оказывается подвластна «иному», собирает себя через механизмы «основания в ином». Деперсонализация в ее наиболее типичном варианте характеризует ситуацию, в рамках которой нечто чуждое и внешнее, воспринятое человеком, пережитое и осмысленное им, становится в его душе силой, подавляющей его собственное Я и господствующее над ним. Тогда человек утрачивает способность, если вернуться к мыслям и образам М. М. Бахтина, самому говорить и отвечать, он способен говорить только «от имени» некоторой вышестоящей инстанции, будь то образ груп-

пы или социально-ролевой конструкт, или даже некий Другой, подчинивший его своей личной власти. Утратив собственное мнение и собственный голос (или не сумев их обрести), человек существует в качестве «безгласной вещи», утрачивает качество персональности [Бахтин, 1979. С. 363].

Из обоснования тезиса о персонализации как «автономизации», обретении и воспроизводстве консолидированной «опоры в себе» вырастает и его противоположность, антитезис. Персонализация не может быть понята исключительно или даже преимущественно через концептуализацию «внутреннего» – она осуществляется и в качестве «основания в ином», в опоре на факторы деперсонализации, образующие феноменологию «внешнего и чуждого». Сложность и многомерность человеческой жизни проявляется в том, что «внешние и чуждые» факторы, потенциальные источники деперсонализации, выступают одновременно в качестве необходимого личностного «ресурса», материала «самоконструирования» личности и потенциала ее самореализации, без самоотжествления с которыми сам процесс персонализации невозможен. Внутренняя «инстанция» Я укореняется не только во «внутреннем», но и во «внешнем»; не только «в себе», но и в «ином». При этом «иное», вопреки наиболее влиятельным в настоящее время концепциям интерсубъективности, представляет собой не только и не столько личностный, человеческий ресурс Других, сколько безличные объективированные сущности – нормы и роли, модели и схемы, алгоритмы и правила. Если другие люди – это «зеркала» персональности, то объектные сущности (вещи и «роли») – суть инструменты, орудия самоконструирования и самоструктурирования. В данном рассуждении мы затрагиваем фундаментальную для философии двадцатого века проблематику языка и мышления, однако в этом контексте речь идет о более общих социально-системных факторах. Не бывает персонализации без объективации и овеществления. Действительно, овеществление и персонализация составляют реальность двух «пределов» мысли и действия, образующих единое пространство человеческой жизни. В сознании и самосознании каждого человека, в культуре и социуме действуют персонифицирующие и овеществляющие силы, взаимосвязанные по принципу единства

(тождества) противоположностей. Вопрос о свободе является, таким образом, проблемой интерпретации их соотношения и факторов, обуславливающих верховенство Я по отношению к «внешнему и чуждому», того, что конституирует личность в качестве субъекта – «инстанции», имеющей свое мнение и свой голос.

В своей социальной жизни люди находятся, условно говоря, в двух измерениях, сущность которых может быть выражена в формулировках «человек и люди» и «человек и роли». Первое измерение образует область субъект-субъектных отношений, сферу межличностного взаимодействия, которая в настоящее время все чаще обозначается терминами «интерсубъективность» и «жизненный мир». Второе измерение обобщенно именуется «системой» и маркирует значение в человеческой жизни безличных объектных сущностей, рождаемых в макро-социальных процессах и закономерностях, но с необходимостью представленных в индивидуальной жизни каждого человека, его самосознании и личной судьбе.

Основной темой исследования свободы и системы, раскрывающей диалектику имманентно присущих всякой социальности тенденций персонализации / деперсонализации, неизбежно становится соотношение в свободе субъектных и объектных начал человеческой жизнедеятельности. Эти начала сопрягаются и в структуре личности (в индивидуальной экзистенции), и в системно оформленных модусах социальной деятельности. Ни личность, ни система в ее значении для личности не могут быть поняты исключительно в логике противопоставления субъектности (субъективации, субъективности) и объектности (объективации, объективности). Субъектные и объектные начала образуют противоречивое единство, которое прослеживается во всех ключевых аспектах и направлениях философствования о человеке – в тематике идентичности (персональной и коллективной), в исследовании форм индивидуальности и тотальности (различия и тождества), субстанциальности и реляционности Я, в интерпретации феноменологии отчуждения, процессов дивергенции культуры и системы, даже в классической проблематике судьбы, сопрягающей господство внешних сил и самоопределение, внешнюю и внутреннюю детерминацию человеческой жизнедеятельности. Везде присутствует ло-

гика развития субъектных (субъективных) начал – «необходимость себя» – и противоположная ей линия объектности и объективации, в своей общей тенденции тяготеющая к системно оформленным проявлениям социального взаимодействия и деятельности, выражающим «необходимость дела» (действия). Полемика основных философских направлений интерпретации свободы, системы и личности, продуцирующая противостояние базовых теоретических схем (парадигм), имеет своим смысловым центром, в конечном итоге, именно проблему субъекта и объекта, субъективации и объективации.

Главным персонажем философии свободы является инстанция «субъект» (концепт субъекта), трактуемая в современной философии преимущественно не в традиционном гносеологическом смысле, а более широком антропологическом и социально-практическом значениях, со все более выраженным по мере развития моральным акцентом в содержании данного понятия. В новоевропейской интерпретации субъект есть «подлежащее», инстанция, образующая основание познания и практической деятельности, поскольку в интрапсихологическом аспекте выполняет функции внутренней центрации («самособирания») и целеполагания. Это «подлежащее» [Хайдеггер, 1993. С. 48], фактор внутренней целостности, создающий потенциал самопричинности (самодетерминации) личности, являет собой едва ли не главную модификацию идеи «основания в себе». Концепт субъекта в его современном смысле выражает также идею активности и так называемой не-фактичности личности – ее незавершенности, «открытости» – в конечном итоге, свойств, обуславливающих способность к само-порождению и самопричинению, внутренней активности, потенциал самосознания, целеполагания и творчества. Все содержательные и эвристичные определения свободы осуществляются в пространстве и предметном поле субъектности, в ее противопоставлении объектности и объективации.

Другая сторона философии субъекта заключается в том, что любая попытка представить субъектность вне связи с объектностью, как царство свободы, победившей падший мир необходимости, обречена на неудачу. Теоретическая парадигма субъектности может быть построена исключительно

на фундаменте противоположных ей объектных начал и во взаимосвязи с ними.

В самой человеческой душе, в структуре личности присутствует взаимосвязь субъектных и объектных свойств. Дискурс идентичности центрируется тематикой поиска и определения интрапсихологической инстанции, осуществляющей функции самоопределения и самосборки личности – оформления ее качественной определенности, самотождества. Материалы междисциплинарных исследований показывают, что в качестве такой инстанции может выступать только сильное, сознательное и рефлексивное Я. Свобода не терпит регрессии, «не сохраняется» в движении к душевной простоте, непосредственности и «спонтанности», если это движение становится основной, магистральной линией интерпретации личности. Все концепции личности, тяготеющие к принижению и потенциально – к элиминации в структуре личности «собирающей», рефлексивной и тем самым «усложняющей» внутренний мир личности инстанции Я-субъекта, фундаментально противостоят духу свободы (самодетерминации и самоопределения). Свобода коррелирует с внутренней сложностью, а не с внутренней простотой личности.

В проблематике структурирования личности и самосознания тайна свободы предстает также в качестве проблемы меры отождествления / дистанцирования (отчуждения) Я-субъекта по отношению ко всем значимым внешним и внутренним «обстоятельствам», материалу самоконструирования. Нарушение меры продуцирует патологию идентичности и утрату возможности свободы. Это либо «слияние», «растворение» Я в обстоятельствах, либо самозамыкание, изоляция, аутизм и нарциссизм («рабство у себя самого»). Свобода не допускает утраты ни того, ни другого из двух фундаментальных начал человеческой жизни: отрицание реляционности в конечном итоге столь же пагубно для нее, как и разрушение фундамента свободы – субстанциальности Я.

При всей значимости в идейном комплексе свободы проблематики индивидуального самосознания и персонального самотождества, свобода не может быть сколько-либо адекватно концептуализирована исключительно в модусе *ipse*, в самосознании и взаимодействии интрапсихоло-

гических инстанций. Она не может быть понята в логике «чистой субъективности», в жизненных стратегиях, выражающих «необходимость себя». Равно невозможна концептуализация свободы исключительно в смысловом пространстве субъект-субъектных отношений, «интерсубъективности», «жизненного мира», оформляющих социальность преимущественно в сферу личных отношений «Я и Другой». Нелепо было бы отрицать значение субъект-субъектного аспекта социального взаимодействия с точки зрения личностного развития и самоосуществления, самосознания и самореализации – в конечном счете, свободы. Однако именно эта – межличностная – сторона социальной реальности и социальных отношений в последнее столетие была настолько акцентирована и возвышена в антропологических и социально-философских дискурсах, что полностью заслонила другую сторону социального взаимодействия – безличную, объективную, представленную в многообразных феноменах объектности и объективации, а также в субъект-объектных отношениях. Между тем концептуализация свободы требует анализа обеих реально существующих сторон социального взаимодействия. Невозможно ограничиться в исследовании человеческой жизни и свободы «возвышающим» принципом персонализации при игнорировании факторов деперсонализации, которые якобы только унижают людей, маркируют частичность и анонимность, разрушая, таким образом, все «подлинно человеческое» содержание их жизни. Необходим более взвешенный и сбалансированный подход к исследованию обеих сторон социальной реальности, последовательное противопоставление которых правомерно только в теоретической абстракции.

Свобода не может пребывать исключительно в сфере духа. Для того чтобы обрести реальность, она должна укореняться в предметности мира и бесконечном многообразии предметной деятельности, испокон веков образующих родовые сущностные основания человеческой жизни и выражающих, образно говоря, «необходимость дела». Действие, дело, целедостижение – это наиболее жесткий и жестокий императив, детерминирующий жизнедеятельность людей и выстраивающий ее в логике «объективной необходимости». Однако мир производства,

деятельности в его реальном значении для людей не выступает лишь в качестве «неизбежного зла», демонической сущности, отчужденного монстра, который обеспечивает людям хлеб и кров, но взамен забирает их души. При всех тяготах повседневного труда и бесчисленных жертвах, приносимых людьми «на алтарь» хозяйства, экономики, формальной рациональности и экономической эффективности, именно мир предметной деятельности исторически развивает и несет в себе потенциал всего «подлинно человеческого» – мышления, знания, самосознания, творчества, индивидуализации и, в итоге, свободы. Субъектность личности развивается из объектности, из объективаций действия и знания, из оформляющих действие и знание социально-системных структур – социальных норм, ролей и институтов. Эти социально-системные модусы, отчужденные безличные начала социальности, обобщенно именуемые «системой», принципиально амбивалентны в их значении для человеческой жизни. В них представлена тирания анонимных социальных отчужденных структур – «сил единого и подобного» (универсального и безличного) – как неоднократно отмечали теоретики философии различия, развивающие идею «чистой субъективности» и свободы, трактуемой только в ее «внесистемном» качестве. Но в этих же объективированных системных модусах представлена и единственно возможная опора свободы – индивидуально-личностной субъектности, подразумевающей самоопределение и самореализацию. Реальная свобода всегда проявляется в социальном действии, а всякое социальное действие, выходящее за пределы уникальности и случайности, «находит спасение» в социальных институтах. Институциональная, т. е. зафиксированная в социальных нормах и институтах (социальных объективациях) свобода представляет собой реальное воплощение и необходимое условие свободы субъективной (слоганы: «Право – кодифицированная свобода», «Деньги – отечканенная свобода»). Классическая антиномия свободы и необходимости предстает в виде неумолимой дилеммы: институциональность социума потенциально угрожает свободе личности, но свобода личности потенциально возможна только в формах институциональности. Только совмещение противоположностей субъективации и объ-

ективации может обеспечить понимание свободы.

В концептуальном оформлении свободы должны быть представлены ее разнородные начала: рациональность и витальность, самореализация и целедостижение, индивидуальность и тотальность (различие и тождество), субъектность и объектность. Все эти полярные модусы самобытия в их сопряжении образуют реальность человеческой свободы. Проблематична именно мера, фиксирующая тождество противоположностей.

Список литературы

Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 361–373.

Сеннет Р. Падение публичного человека. М.: Логос, 2002. 424 с.

Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.

Материал поступил в редколлегию 12.12.2011

E. V. Karmazina

ON THE CONTRADICTIONS OF FREEDOM

The paper presents an analysis of the internal contradictions of the idea of freedom. The author argues for the necessity to interpret freedom from the dialectic point of view. The main contradictory tendencies are the processes of personalization / depersonalization and subjectivity / objectivity. The paper also notes the ambivalent role of the phenomenon of institutional alienation for the development of personality and freedom.

Keywords: freedom, personality, subjectivity, objectivity, social system, personalization, depersonalization.